

Сатирикон

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ САТИРЫ И ЮМОРА

Российская эмиграция показывает миру подлинный лик коммунизма. Так было на парижских процессах Виктора Кравченко и Давида Русса, так было и на состоявшейся в конце мая в Брюсселе сессии международной комиссии по борьбе с режимом концлагерей, где 25 российских гелитических беженцев рассказали правду о терроре и рабском труде на своей Родине.

Рис. Н. ИР-СКОГО

— Вот трагедия, которая разыгрывается при закрытом занавесе!

ПОДАРОЧЕК „ПАПЕ“

На зло врагам, наперекор стихиям «Сатирик» выходит в свет во второй раз. Мы не можем пожаловаться на первый прием. Нас встретили тепло. Нас поддержали. Конечно, больше советами. Слов нет, кое кто остался недоволен. Мало смеха! — вот главный грех, в котором обвиняют «Сатирик». Приходится соглашаться: действительно, смеха в нашем майском номере было не так уж много. Для юмористического журнала — грех смертный. Но, «не хотим — о, други! — умирать»...

Истинный виновник нашей «серьезности» это — тот, кто является главным героем «Сатирикона», хотя бы он и не появлялся на его страницах. Не смех, а отвращение и негодование вызывает этот «герой» своими действиями; не смех, а собранную волю к борьбе. И, вот, дорогой читатель: там, где ты не слышал смеха, не уловил ли ты иные звуки — бича сатиры. Для сатирического журнала смертным грехом была бы подмена этих «грубых» звуков веселым смехом.

В этом номере «Сатирик» пробует новую дозировку обоих элементов.

Часть тиража «Сатирикона» попала в «потусторонний мир». — Вот это подарочек «родному папе!» — написали нам. Лучше не скажешь! По ту сторону вопроса о смехе не возникло.

На сей раз «Сатирик» выходит в июне. Нехороший месяц! Мало причин для смеха... Год тому назад в июне началась война в Корее. Десять лет тому назад в июне же началась советско-германская война. Темы совсем не для юмора... Но — от трагического до смешного, бывает, один шаг. Этот шаг сейчас, как никогда, и определяет содержание всей нашей жизни. На дистанции этого шага и держит своих наблюдателей «Сатирик». И нужное для наших страниц они уж не упустят!

Взятая нами линия не меняется. Учась на классических образцах, мы неустанно зовем: «Карфаген должен быть разрушен!» Наш «Карфаген» — это «счастливый и радостный» строй на нашей Родине. Это — сталинская империя. «Карфаген должен быть разрушен!» И будет разрушен! Роль разрушителя (хоть самую скромную) «Сатирик» в этом случае не променяет ни на какую другую.

Со времени первого явления «Сатирикона» сатириковцев стало больше. В ударный отряд сатиры и юмора радостно будут приняты и новые бойцы.

Рис. Н. ОЛИНА

В Н У Т Р Е Н Н И Й З А Е М С Н А Р У Ж Н О Й О Т Д А Ч Е Й

ШЕРРИ-БРЕНДИ

Пишем мы легко, шприво,
Чтоб слонь в вас не погас:

Мчтсся, взретьый в хвост и в гриву,
Политический Пегас.

И В ХВОСТ, И В ГРИВУ

К годовщине войны в Корее

Внимая ужасам войны
В онем пылающей Корее,
Мы, год прождав, сказать должны:
Нельзя ли, все же, поскорее.

Мир, призадумайся, пойми
Нравоченья Мак Артура,
Ведь год, как с «тридцати восьми»
Не движется «температура».

Так год — ни жсть, ни умереть!
И я скажу без оговорок:
Чтоб этот кризис одолеть
Не лучше ли скакнуть за «сорок»?

На 64 заседании парижской
конференции представители вели-
ких держав, вследствие упорства
делегата СССР Громыко, не
смогли даже выработать порядка
дня.

Их будет сто: быть может, двести,
Но все останется на месте,
И, при участии «громых»,
Порядок дня «ни тык, ни мык».
Звучит все это очень дико:
Гром не из тучи — из Громыко,

Но все боится, как огня...
И очень ясно для меня:
Пока он будет так «громыхать»,
Мир будет доло горе мыкать!

«Президент» восточной Герма-
нии Пик обратился к президенту
западной Германии Хойссу с
воззванием, в котором призывает
провести в западной Германии
плебисцит по вопросу о «ремили-
таризации» страны.

Пишет Пик воззвние
Всем «милитаристам», так сказать, в пику:
— «Демилитаризировать» Германию,
Товарищи, не мешайте Пиксу!
Геноссе Хойссу! В моем выступлении
Есть большие резоны.
Это же преступление —
Ваше разделение на зоны!
Не лучше-ли плебисцит
И, при некотором нашем участии,
Немецкий народ поймет и решит.
В чем его счастье!

Немецкий народ вам скажет: данке!
Говорят, мы вооружаемся? Страдаем безвинно.
У нас, действительно, имеются танки.
Но исключительно для накачивания бензина!
Так Пик успокаивает Хойссу.
— Ты, — говорит, — Хойссу, не бойся!
Немецкий народ — он без фанаберии.
Он привыкнет
И, по системе Сталина и Берли,
Даже не пикнет.

* * *

Все это очень мило.
Не будем иронизировать:
Хорошо бы было,
Вообще, весь мир демилитаризировать.
Речи Пика — слаще, чем мед.
Но, вот что нас огорчает:
Он видит в глазе брата своего пулемет.
А бронепоезда в своем не замечает.
Если поверить в крик,
Поднятый Пиком о «свободе» и «прогрессе»,
То можно легко попасть в тупик
И остаться при пиковом интересе.

Численность коммунистической
партии в Западной Германии па-
дает. Партия расколелась. Ан-
тисталинская группа образовала
«Независимую рабочую партию
Германии».

Забуты нежные лобзанья,
Немецкий пыл успел остыть,
К. П. — московского издания
В Германии не возродить.

Вранья довольно. Между прочим,
Усвоил самый медный лоб,
Что коммунизм несет рабочим
Не независимость, а гроб.
Пусть в истерической досаде
Москва «предателей» клеймит —
На обдупившемся фасаде
Пустая вывеска гремит.

Но и она — все в мире тленно —
Слетит, покорная судьбе,
И мир забудет постепенно
Историю ВКП-б.

В СССР в мае объявлен внут-
ренний заем на сумму в 30 мил-
лиардов рублей.

С фотокамерой по Восточной Германии

Рис. Г. ШЕВЧУКА

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

(Вместо международного обзора)

1. Персидские мотивы.

Оказывается, о Персии у нас было до сих пор весьма превратное представление. Персия рисовалась нам так: персидский шах лежит на персидском ковре (посыпанном, на всякий случай, персидским порошком), играет в шахматы и кушает персик. В вазах стоит персидская сирень. В окне виден Персидский залив.

Эта картина восточной лени и негитомной, как выясняется, значительно изменилась. Причину метаморфозы можно выразить, буквально, одним словом: нефть. Это жидкое ископаемое довело страну до состояния крайнего возбуждения. До сих пор персидскую нефть, как известно, выкачивала английская компания (довольно теплая). Персы дремали и не обращали на это внимания. Но, с пробуждением Востока, проснулись и персы.

— Попользовались, и довольно! — заявило персидское правительство и национализировало нефтяные промыслы.

Кто прав — англичане или персы — судить не нам. Да это и не так важно. Важно то, что с севера к персидской нефти протягивается рука «третьего радующегося».

В одном из рассказов Чехова есть стихотворение, которое насмешники посылают некоему городскому голове, жаждущему получить от проезжего персидского вельможи орден «Льва и Солнца»:

— В знак дружбы двух монархий —
России и Ирана,
Из уваженья к вам,
почтеннейший посол,
Я сам себя б зарезал, как барана,
Но, извините, я — осел.

Нам кажется, что сейчас стихи эти можно без особого труда вложить в уста персидского правительства.

Персидский символ — «Лев и Солнце» — явно колетса на две части. Британский лев, как будто, уходит, а солнце сталинской конституции, как будто, приближается. А премьер Моссадк в это время, в знак дружбы СССР и Ирана, готов себя зарезать, как барана, но, к сожалению, он... Одним словом, мы не хотим упоминать про осла.

2. Прозаседавшиеся.

А в Париже заседают четыре посла. Как это ни странно на первый взгляд, но четверо «чрезвычайных уполномоченных» в течение четырех месяцев не

могли выработать программы для намеченной конференции.

Мы предлагаем следующий рецепт, который может ускорить дело: прекратить заседания «чрезвычайных уполномоченных» и созвать совещание «особоуполномоченных», которые сперва составили бы порядок заседаний для «чрезвычайных». Если и это не поможет — созвать простых уполномоченных, которые предварительно выработают повестку для «особых», и т. д.

Таким образом, парижские совещания, безусловно, сойдут с мертвой точки, будучи более солидно подготовленными.

3. Тито — рыболов.

Делегация, состоящая из представителей английского парламента, преподнесла маршалу Тито по случаю его 59-летия рыболовную снасть.

Если понимать дар, как символ, то английским парламентариям нельзя отказать в остроумии. Занимая двусмысленную международную позицию, Тито, повидимому, предпологает ловить рыбу в мутной воде. Посему удочка ему очень кстати. Лишь бы поздравители сами не попали на крючок.

4. Торжество фрейдизма.

Согласно учению Зигмунда Фрейда, случайные жесты, оговорки и описки выражают подсознательные желания, которые человек, по тем или иным причинам, принужден скрывать.

Недавно теория Фрейда получила блестящее подтверждение.

В коммунистической «Берлинер Цейтунг» (в советском секторе Берлина) было опубликовано воззвание, так называемых, «сторонников мира», ратующих за «разоружение западной Германии». В воззвании было сказано, что подписавшие его выдвигают свои требования — «... выражая волю всех кругов и слоев, отвергающих мир».

На следующий день появилось паническое опровержение, в котором газета заверяла, что «отвергающих мир» — простая опечатка и, разумеется, следует читать наоборот: «отвергающих войну».

Но старик Фрейд, повидимому, прав.

Все это очень смешно, но не для редактора «Берлинер Цейтунг». Как пишут в хрестоматиях: «Все засмеялись, а Ваня заплакал»

ЮМ

ЧЕРЕЗ ВОЙНУ — К ДРУЖБЕ

Все проходит. Прошлое дает уроки. Учитывая эти уроки, меньше шансов наделать ошибок.

Мы вспомнили эту бородатую мудрость, когда Гриша Климов появился в редакции «Сатирикона» из Берлина. Там, почти у волка в пасти, бывший советский майор организовывал вместе с берлинцами Свободное Общество Русско-Немецкой Дружбы. Берлинцы — народ особенный. Люди типа Гриши Климова — тоже народ особенный. И те, и другие ни при какой ситуации не дрейфят. И те, и другие знают, что несет ветер с востока. Их объединяет опыт последнего десятилетия. Их объединяет человеколюбие.

Десять лет тому назад два диктатора стукнули друг о друга лбами русских и немцев. В огне четырехлетних схваток родилось взаимное понимание и наме-

Дружеский шарж
Н. Олина

Г. КЛИМОВ

тился общий фронт — против «вождей».

Ураганом войны смело одного. Тот же ураган поднял другого еще выше.

И, вот, теперь бывшие боевые противники протягивают руку дружбы русским людям в Германии. Гриша Климов, со товарищи, принял в Берлине эту руку.

Не для веселого времяпрепровождения объединяются друзья. Нет... для этого еще рано.

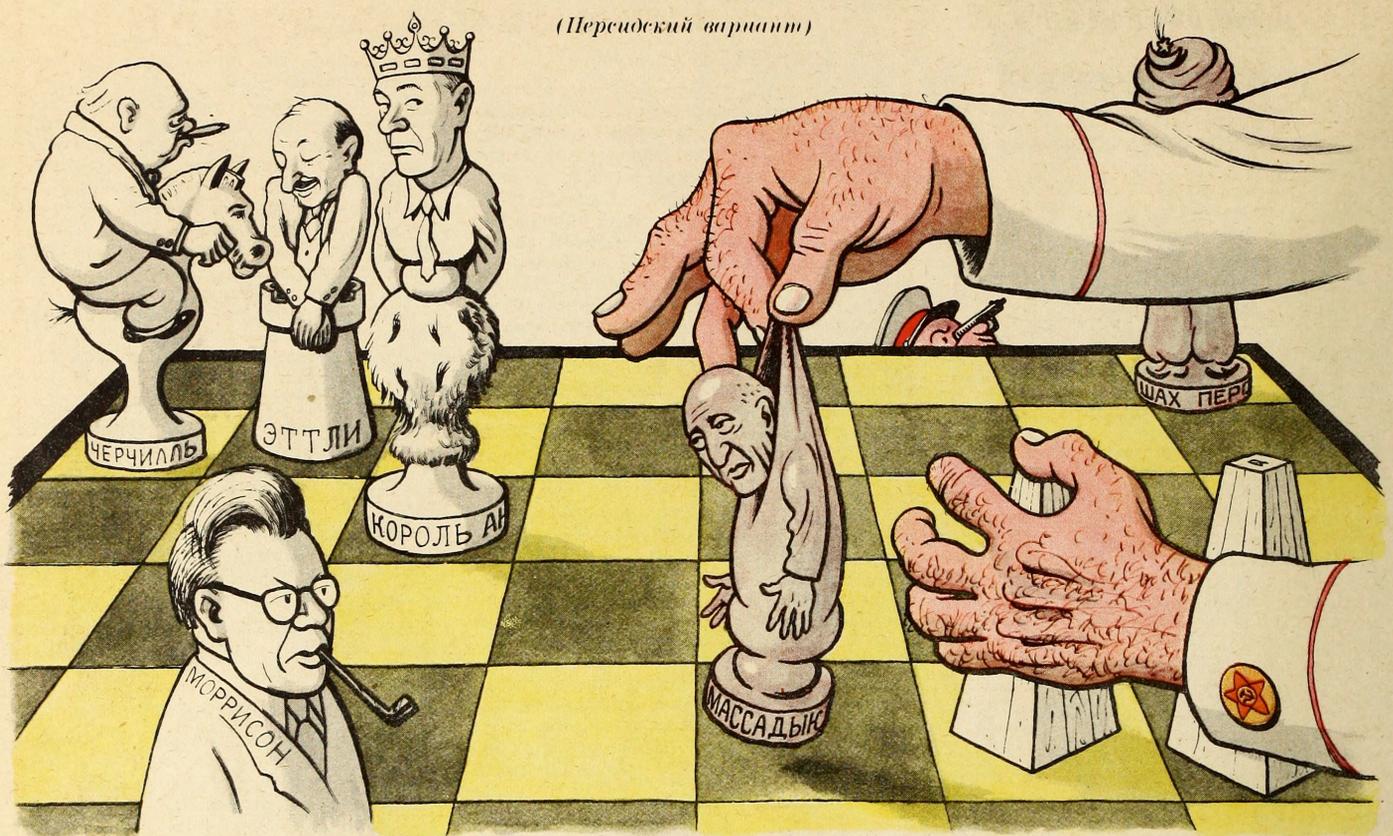
Друзья задумали помочь истории и доделать то, чего не сделала

война. Надо, вслед за убитой войной диктатурой, сбросить под откос истории и другую диктатуру. Надо обеспечить мир и свободу. Вот задача. Вот почему профессор Рейтер и доктор Гильдебранд пожимали руку Грише Климову — почетному члену нашей редакции.

Мы крепко жмем руку всем трем.

ГАМБИТ СТАЛИНА

(Персидский вариант)

Красные грозят шаху матом и, отдавая в жертву его ферзя, пытаются захватить нефтьешки белых.

ДОЛГОЛЕТИЕ

Профессор Харьковского университета А. Нагорный готовит к выпуску книгу: „СССР—страна долголетия“.
(ТАСС, 23. 4. 1951 года).

До сих пор профессор Нагорный занимался «проблемами старения и долголетия» абстрактно. Сейчас профессора впрягли в «сферу сталинской науки» практически.

Профессору приказано доказать, что жизнь в СССР не только «самая счастливая и радостная», но и «самая долголетняя», что люди при сталинизме живут не только «лучше всех», но и «дольше всех». Сталин, дескать, властен не только отнимать и укорачивать жизнь своих подданных, но и растягивать ее, как резину.

Одним словом, что «отца» твоего «родного» и долголетен будешь на земле. Такой должна быть новая Нагорного проповедь.

Рассчитана проповедь сия и на внешнее употребление. Простачки с Запада, желающие подольше помачать на этом свете, должны (по замыслу директивных органов) поскорее расправиться со своими «реакционными» правительствами и устремиться под «животворную» мантию Сталина.

Заданы, как видите, не из легких. До сих пор советские ученые считали, что долголетие человека прямо пропорционально его удаленности от советской власти. Иными словами, чем человек дальше от органов безопасности, тем он в большей безопасности. Пример тому — долголетие пастухов и пчеловодов, живущих в горах Абхазии.

Теперь пастух в Советском Союзе только один, все остальные — пасомые. И горновысотный воздух больше не ак-

туален. Этот высотный воздух пастух может и в Москве устроить. На Смоленской площади для пастуха строится сейчас специальное двадцатистэтажное административное здание. На двадцать шестом этаже атмосфера будет такая же, как на сталинской даче в Мацесте. И летать пастуху не надо будет, и внутренняя безопасность будет более надежно гарантирована; двадцать пять нижних этажей будут заняты личной охраной.

Работает профессор Нагорный. Уж написал он, что «во всей нашей стране созданы благоприятные условия для продления жизни». В подтверждение же новой теории «сталинского долголетия» привел цифру столетних стариков, уцелевших при социализме: 30.000. Две тысячи удалось Нагорному сфотографировать. Остальные оказались в сетях. Фотоаргументов, как видите, маловато. В «мрачные» десталинские времена каж-

дая деревня своих столетних стариков имела, а теперь их приходится «днем с огнем» по всей стране выискивать.

Незавидно положение профессора. Тридцать тысяч могут ему боком вылезти. Цифра то «липовая», да и явно антисталинская. Первое: все столетние старички и старушки по семьдесят лет с гаком прожили без Сталина и только потому и выжили при Сталине. Второе: при «проклятом старом режиме» столетних стариков и старушек было не 30.000, а около 300.000. Читатели, чего доброго, могут, хотя бы мысленно, спросить профессора: а куда же делись 270.000 старцев, если «по всей стране созданы благоприятные условия для долголетия»? Вот тут то профессор и может попасть в непромокаемую.

Серьезные у нас опасения за профессорское долголетие. Скажет пастух «нубэдытельно» — и профессору крышка. С. Б.

МАРКСИЗМ ОПРОСТОВОЛОСИЛСЯ

МАРКС — ЭНГЕЛЬС — ЛЕНИН — СТАЛИН — МАЛЕНКОВ

ДНЕВНИК КОМЕНДАНТА

ОТ РЕДАКЦИИ. Нами получено письмо от бывшего помощника коменданта города Мейссена капитана К., бежавшего в 1950 году:

«Прочитав первый номер «Сатирикона», я посылаю вам свой дневник. Хотя в нем больше печального и тяжелого, но есть и смешное: русский человек, даже при Сталине, не разучился смеяться! Буду очень рад, если «Сатирикону» придутся мои записи, которые, кстати сказать, я вел с большим риском...»

Мы помещаем в настоящем номере отрывки из предложенного нам дневника.

10 мая 1945 г. Бауцен. Отпраздновали День Победы. Сегодня все еще пьяны. Пили так, словно не от радости, а от горя. Коля сказал: «Свободу провожаем, братцы! У нас свободу дают во временное пользование, как водку перед атакой!» Может, он и прав. Завтра меня из госпиталя переводят под Дрезден.

12 мая. Дрезден, Вайсхирш. В резерве. Комсостав поместили в вилле. Замечательная вилла — ковры, мировая мебель, сад, цветы, а хозяин — радио-монтер!

Вчера случилась смешная петрушка. Жара, а водопровод не работает. Пить хочется, а пить нечего. Тут Саша нашел в подвале шесть стеклянных банок с консервированными фруктами. Мы к банкам! А подполковник Делин и говорит:

— А, вдруг, они отравлены?!

Мы так и шарахнулись назад. И в самом деле — вдруг, отравлены? Как вошли в Германию, везде предупреждают: враг коварен — отравляет продукты.

А я смотрю: банки запыленные, закупоренные, резинки под крышками не тронуты. И пить хочется — смерть! Эх, думая, была не была! Подошел к столу, открыл банку с вишнями. Ребята за руки: «Что ты, с ума сошел?!» «Ничего, — говорю, — двум смертям не бывать, а одной не миновать!» Приложился к краю и такое блаженство в рот потекло, что не оторвался, пока все не выпил.

Ребята стоят вокруг, глаза вытаращили, слюнки глотают. Боятся. Я молча поставил банку, открыл другую — с грушами, и опять приложился. Ничего вкуснее, казалось, не пил в жизни. Выпил. Тут подполковник не выдержал:

— Хватит, капитан! Ну тебя к лешему — ты так все вытянешь!

Схватил он банку с вишнями, другие — остальные. Пьют, едят, плюются косточками. Я, понятное дело, прилег на диван (ведь два литра сока в желудке!) и посмеиваюсь: кто, мол, смел, тот два съел!

Вытянулся я — до чего хорошо! И пришла мне тут мысль напугать ребят. Полежал спокойно немного — на столе сок и фрукты подходили к концу, — да как заору во всю глотку:

— Ой, мамочки! Ой, родненькие! Ой!... — а сам за живот и морщусь.

Все от стола ко мне.

— Что с тобой?

А я дергаю ногами и ору благим голосом:

— Ой, живот!... Ой, умираю!...

Первым кинулся к двери подполковник, за ним остальные.

Ну, — думаю, — побежали за врачом. Надо смываться. Поднялся, подошел к окну — открытое окно в сад выходило. Слышу: странные звуки в кустах. Посмотрел — батюшки мои! — так и свалился на пол! Стоят мои ребята во главе с подполковником, и кто как: кто паль-

СОВРЕМЕННЫЙ ЛУБОК

— Мы вместе уничтожили фашизм, вместе уничтожим и коммунизм.

— О-кэй!

цы в рот, кто платок носовой... Все соки, все фрукты вон!

Хватил меня тут такой приступ смеха, что свалился я на пол и давай по ковру кататься. Смеяться уже не могу — только икаю. А в это время подполковник заглянул в окно из сада — видит: я на полу корчусь.

— Конвульсии! Кончается! — крикнул и назад в кусты. И сразу же слышались дружные звуки.

Чуть не побили меня потом.

22 мая. Мейссен. Вот я и приземлился: получил назначение помкоманданта Мейссена. Городок хороший, на Эльбе. Замок старинный. Фабрика знаменитого фарфора.

25 мая. Первая трудность: представитель особого комитета при Совете Министров, заместитель министра промышленности стройматериалов Диккерман привез постановление на демонтаж фабрики фарфора — единственного крупного предприятия городка. Рабочие останутся без работы, а демонтируют старое железо котлов и труб: оборудование завода несложное, все дело в специалистах, которых не демонтируешь!

Приписка 1946 г. Демонтировали. Увезли на завод им. Ломоносова в Ленинградской области, где свалили железным ломом. Фабрику передали советскому акционерному обществу и теперь восстанавливают. Немцы смеются. Догада-

лось начальство, да поздно: сколько за год можно было бы фарфора выпустить!

3 июня. Сейчас по тревоге вызывали на территорию завода. Беда с этими демонтажниками! В поисках зарытого музейного фарфора профессор-керамик в форме полковника и два инженера-«майора» попали на площадку, засыпанную нераззорвавшимися авиабомбочками — «зажигалками». Напуганные инструкциями о минированных немцами заводах, демонтажники приняли видневшееся из земли оперение бомбочек за мины и решили, что попали на «минное поле». От страха, боясь наступить на «мину», сели на землю и принялись орать: «Спасите!»

2 августа. Пик попал в пиковое положение... Сегодня по дороге на Ошац его автомобиль остановили наши солдаты и сняли покрышки и камеры со всех четырех колес. Говорят, что на прощанье один солдат сказал Пику: «Вот это и есть советская власть, которую ты здесь насадить хочешь».

21 октября. Москва. Прилетел в командировку. Вылетел вчера из Берлина.

В Москве в таможене задержали одного майора МГБ: на нем нашли более трехсот часов. Злые языки утверждали, что он весь тамажен.

У меня таможенник отнял книгу репродукций Рубенса, заявив, что «буржуазное искусство с голыми бабами не для советского человека». Капитан К.

Рис. С. БУХТЫ-БАРАХТЫ

С Колей Гвоздиковым мы корешкуем еще с фронта. До самого Берлина вместе дотопали. На фронте, можно сказать, и душами поменялись. Уверовали друг в друга вмертвую.

После войны вернулись мы в наш родной Куйбышев. Не Куйбышев, конечно, родной, а город. Устроились на «гражданке» и до сих пор живем душа в душу. И в самокритике упражняемся, не смотря на лица (взирать на некоторые лица противно). Упражняемся мы, конечно, втихую, для самих себя, чтобы душу отвести По субботам, после бани, Колька ко мне заходит. Вот, за «полмитрием» мы текущие ситуации и обсуждаем. Выказываемся, так сказать, на злобу дня. Злобы этой у каждого из нас накопилось столько, что и за годы не высказать.

В прошлую субботу дискуссировали по поводу волжских ГЭС'ов. Дело, сами понимаете, интересное. Вдруг, ни с того ни с сего, в нашей Самаре мировое строительство. Миллиарды киловатт и прочее. В общем, Самара, качай воду! До этого мы больше Кореи занимались. Кому, дескать, «руки прочь от Кореи» убирать придется.

Ну, опрокинули мы по стаканчику и пошло. Колька скептически о стройках коммунизма высказывался, все на личную почву сворачивал, а я — наоборот. Все-таки, говорю, величественные дела происходят.

— Эта, — говорит Колька, — величественность только на таких лопухов, как ты, и рассчитана.

— Как так?

— А очень, — говорит, — просто. Корея не удалась, вот и начали на Волге ГЭС'ы строить, воду в глаза пускать. Пока, значит, наши «корейцы» на корейцев нажимали — наше брало, а как американцы да англичане всякие на наших «корейцев» нажали, так наши «корейцы» сразу за ГЭС'ы и взялись... Дескать, я — не я, и лошадь — не моя. Понял?

— Нет, — отвечаю, — не совсем.

— Это для того, — чтоб таких простопилей, как ты, да заграничных простачков вокруг пальца обвести. Мы, дескать, только природу перестраиваем и голубей разводим... Думали: в Корею дельце выйдем, там Китай на Индию поднажмет — и пойдет полыхать мировая коммунистическая. А вышло иначе. Мировая революция мировой войной обертываться стала. Пятьдесят государств за Корею стали. Тут, брат, не только на Волге, а и на сухом месте гидростанции строить начнешь.

— Вот, — говорю, — и хорошо: и войны не будет, и ГЭС'ы построим.

— А тебе то, — жарит Колька, — на черта эти самые ГЭС'ы? Они тебе вторую пару штанов дадут? Смотри, как бы последние не стянули. Видели мы эти грандиозные стройки! Каналы не впервые строят. Все это, брат, не для нас делается, а для мировой коммунистической.

— Ну, это уже, — говорю, — ты загнул, Коля. Куйбышевский ГЭС и мировая революция?!

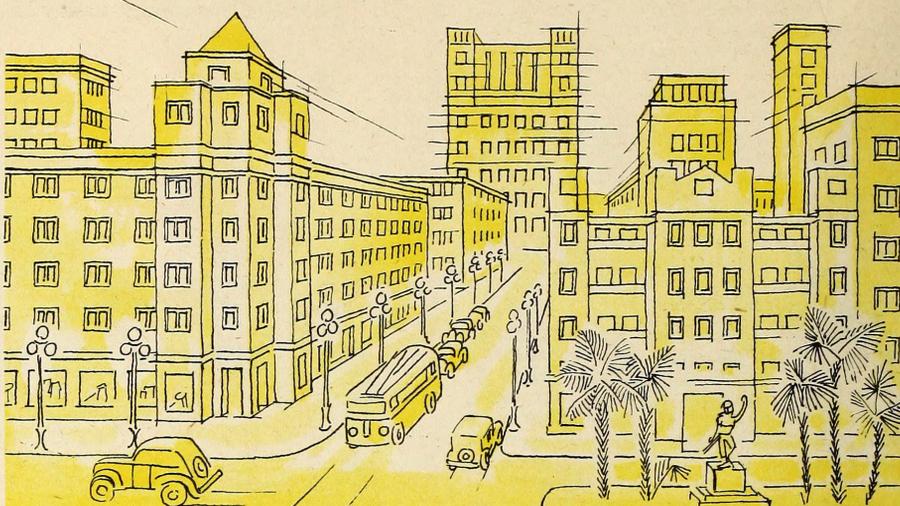
— Вот посмотришь, если не сдохнешь, что куйбышевским ГЭС'ом бомбить Нью-Йорк будут...

— Как так?

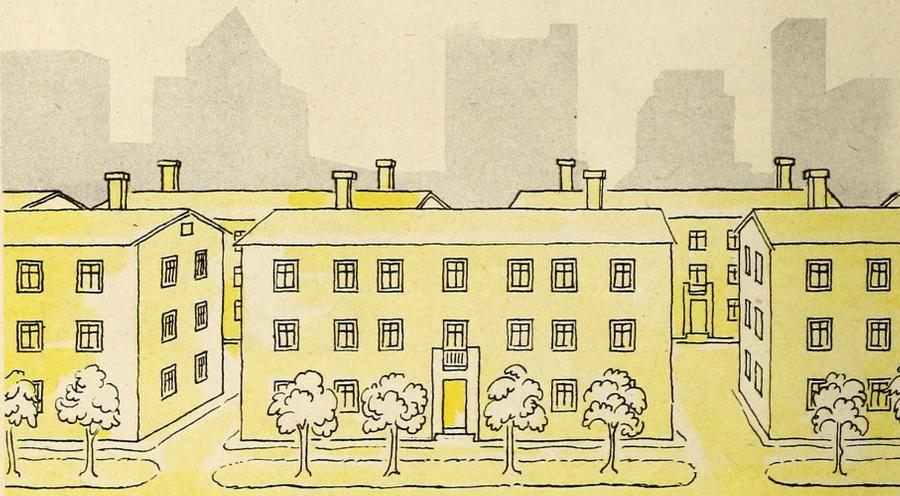
— А очень, — говорит, — просто. Миллиарды киловатт на то нужны, чтобы из атомов бомбочки делать, да англо-американцам подбрасывать. Понял как?

Хотел, было, я возражать, да не нашелся сразу. Подумаю до следующей субботы.

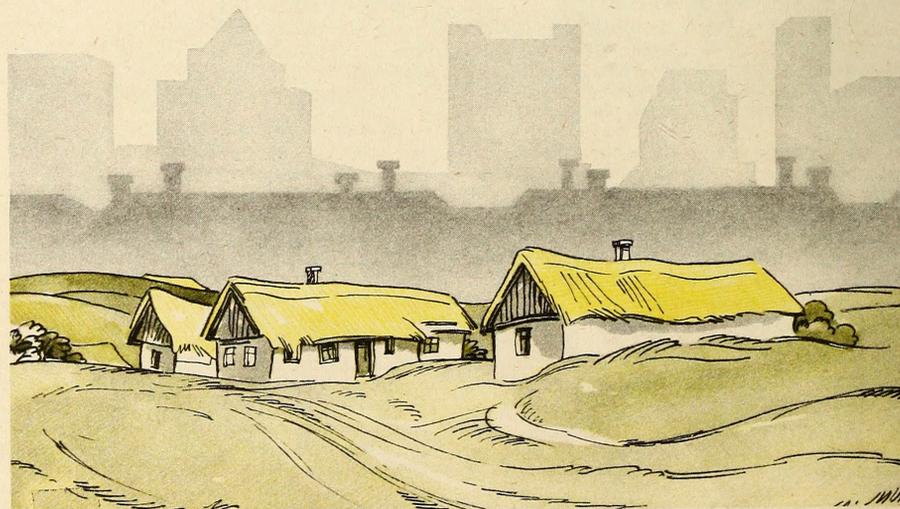
Саша БЕРЕЗКИН

Н. С. Хрущев, весна 1950 года: «Построим великолепные агрогорода, каких еще не было в истории!!!»

Н. С. Хрущев, осень 1950 года: «Построим центральные усадьбы укрупненных колхозов средствами самих колхозов!!»

Н. С. Хрущев, весна 1951 года: «Построим колхозные поселки средствами самих колхозников. Агрогорода отменить, как головокружение от успехов!»

Говоря откровенно...

Иллюстрации Н. ОЛИНА

если все так хорошо, почему же все так плохо?..

Госплан СССР обнародовал замечательные процентно-статистические результаты первой послевоенной пятилетки. Процентное благополучие советского народа достигло новых, невиданных в прошлые пятилетки, высот.

Чтобы достойно отпраздновать победу, ЦК ВКП(б) призвал своих пропагандистов каждый день и час показывать советским людям достижения пятилетки. Включимся и мы в эту кампанию. Надеемся, что товарищи из агитпропа ЦК не будут на нас в обиде. Ну, а если и обидятся, то это уже не наша вина. Мы хотим только подкрепить фактами статистику Госплана.

Москва 1951 года. Столица первого в мире социалистического государства украсилась за пятилетку новыми здани-ями. Дома строились отличного качества и жить в них должны советские граждане тоже отличного качества. На Садовом кольце построен десятиэтажный дом для сотрудников МГБ. На Лубянской площади — двенадцатиэтажный; этот уже для канцелярий МГБ. В разных концах столицы сооружено еще несколько десятков многоэтажных домов; все для того же симпатичного учреждения. Дома строились добротные и комфортабельные: в них будет не только газ, но даже холодильники и стиральные машины. Все это, конечно, отечественного производства и даже не украдено с американских патентов: просто вывезено из Америки, как «дипломатический багаж». В крайнем случае, устанавливались трофейные стиральные машины: доблестные чекисты их отвоевали в жестоких боях с немцами прачками.

Строят в Москве и небоскребы. Но, конечно, не американские. Те, ведь, качаются и скрипят, как писал два года тому назад Павленко, за что и получил сталинскую премию. Московское 26-этажное «административное здание» на Смоленской площади — цельно-советское и цельно-чекистское, что, собственно, одно и то же. Это качаться не будет. Неровен час, как бы строители не закачались. Внутренняя обстановка этих домов не уступает их роскошным фасадам: недаром вот уже год вся мебельная промышленность Москвы загружена их заказами так, что даже в Мосторге № 1 рядовой гражданин не может достать стола или стула. А, может, так оно и полагается при социалистическом строе: стоять дома, а сидеть в МГБ?

Строят дома и в провинции. Вот застройли, например, Запорожье многоэтажными домами для трудящихся. Забыли только водопровод и канализацию провести и печи поставить. Но это, конечно, не беда: советские люди и без того согреты солнцем сталинской конституции. А если нужно помыться, то воду можно набрать и из ближайшей лужи; благо, замостить улицы горкомхоз Запорожья так и не собрался.

Госторговля Москвы перешла на целью-отличное обслуживание покупателей: против каждого продавца к

прилавку привинчена табличка «Бригада отличного обслуживания». Таблички привинчены наглухо: а то иной благодарный покупатель может за отличное обслуживание этой самой табличкой завмагу «того»... физиономией обслужить. Но, вот, в доме у Можайской заставы и табличек нет, а обслуживание, действительно, отличное. Товаров полно и каждого покупателя продавцы зовут по имени и отчеству. Тут покупатель солидный: в этом доме живут сотрудники охраны Сталина.

Союзные республики собираются от-крыть в Москве свои национальные рестораны и магазины. Организуют, так сказать, смычку украинских вареников с кавказским шашлыком на территории пролетарской столицы. Восхищенным москвичам здесь обеща-ют много соблю-

нов: черниговский борщ, киевскую юшку, вольские крученики, грузинские сладости, рижское пиво и многое другое. Правда, все это еще остается в проекте, но задумано грандиозно, как печальная память агрогорода товарища Хрущева.

Есть магазины и даже рестораны и в провинции. Но там гость и покупатель другой, там и картина другая. В магазинах Ульяновска неделями не бывает в продаже соли, а в сельских местностях Алтайского края созданы запасы соли на десять лет. Колхозниц Новосибирской области снабдили шелковыми чулками на две пятилетки, но забыли прислать в эту область простые чулки. В Среднюю Азию «завезли» несколько вагонов зимней обуви и теплого белья. Там эти товары, очевидно, будут ждать следующего ледникового периода. Жители Свердловска «на выбор» предлагают один сорт туалетного мыла. В Кировскую область доставили дамские галоши и ни одной пары мужских. Однако, справедливость требует сказать, что в СССР думают не только о гражданах, но и о гражданах. Поэтому в Ивановскую область «завезли» только мужскую обувь. Там женская обувь не нужна: ее там в плановом порядке выдавали еще до войны, во второй пятилетке.

Советские торговые организации и предприятия ширпотреба проявляют массу изобретательности. В Уфе надумали организовать производство самодельных гвоздей. Там же делают цемоданные замки, которые не запираются и не отпираются; так сказать, цемоданно-замковая бутафория. Киевская фабрика «Музтрест» по праву гордится своей продукцией. Изготавливаемые на этой фабрике пианино обладают совсем особыми качествами: педали у них не опускаются, клавиши не поднимаются, а какиенибудь звуки такое пианино начинает издавать только тогда, если постойт год в квартире у покупателя.

Но гордостью советской легкой промышленности являются, несомненно, обувные фабрики. Тут достигнута предельная специализация и тут есть товары на все вкусы. Обувная фабрика № 9 в Днепропетровске выпускает дам-

ские туфли только цвета полевой мыши. А чтобы покупатели не жаловались на однообразие продукции, носок одной туфли делается коротким и округлым, а другой — длинным и узким. Обувная фа-

брика «Парижская коммуна» в Баку производит обувь того фасона, который покупатели прозвали «туфли моей бабушки». Продукция обувных фабрик Узбекской, Туркменской и Таджикской республик такова, что ее вообще отказываются покупать.

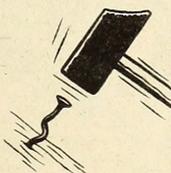
В магазине «Детский мир», в Москве на улице Кирова, продают детскую обувь без очереди. У каждой пары ботинок, купленной в этом магазине, подметки отваливаются не позже, чем на десятый день. В Уфе делают обувь на подметке из пластмассы и прошивают ее деревянными шпильками, которые не доходят даже до стельки.

Предположим на минуту, что вы живете в Харькове и хотите купить туфли для своего семилетнего сына. Вот они красуются на прилавке магазина по Сумской улице. Вы просите продавца выбрать подходящий размер и выписать чек. Но тут возникает непредвиденное препятствие: продавец начинает раскладывать перед вами по прилавку какие то исписанные на машинке листки бумаги с заголовками: «Комплект-подарок» №... — и поясняет, что обувь ребенку вы можете купить лишь вместе со всем «подарком». Он предлагает вам большой выбор: вот комплект № 10, вот № 21, вот № 35. Чтобы приобрести детские ботинки, вы обязаны, согласно листку № 10, купить еще пистолет, заводную лягушку, игру под загадочным названием «Растет, цветет и греет» (уж не социализм ли это?) и многое другое, вовсе никому ненужное.

В городе Энгельс, Саратовской области, производится пудра, которую потребители называют тухлянкой и которая своим видом схожа с суперфосфатом и даже с мышьяком. И выпускается этой тухлянки так много, что на каждую здешнюю девушку и на каждую женщину приходится ее не меньше трех килограммов. А три килограмма пудры — это много: таким количеством можно напудрить небольшой конский косяк. Производят тут также мрачный трикотаж, что назван зрителями — покупателем нет, а зрители бывают — «Мефистофелем». Гордится город Энгельс также своими игрушками. Местная промышленность выпускает, например, дудки, которые не дудят и не свистят, а выпускают в ребячьи рты смолу, клей и, что совсем не-постижимо, деготь.

Ну, поддержали, кажись, товарищей из Госплана фактами. Это вам не проценты, а самые, что ни на есть, каждодневные факты. Помните, как раньше говорили: встретим покупателя полновесной гирей! Так вот и мы: встретим процентчиков из Госплана полновесным советским фактом. Как вам это нравится?

Иван ФАКТИЧЕСКИЙ

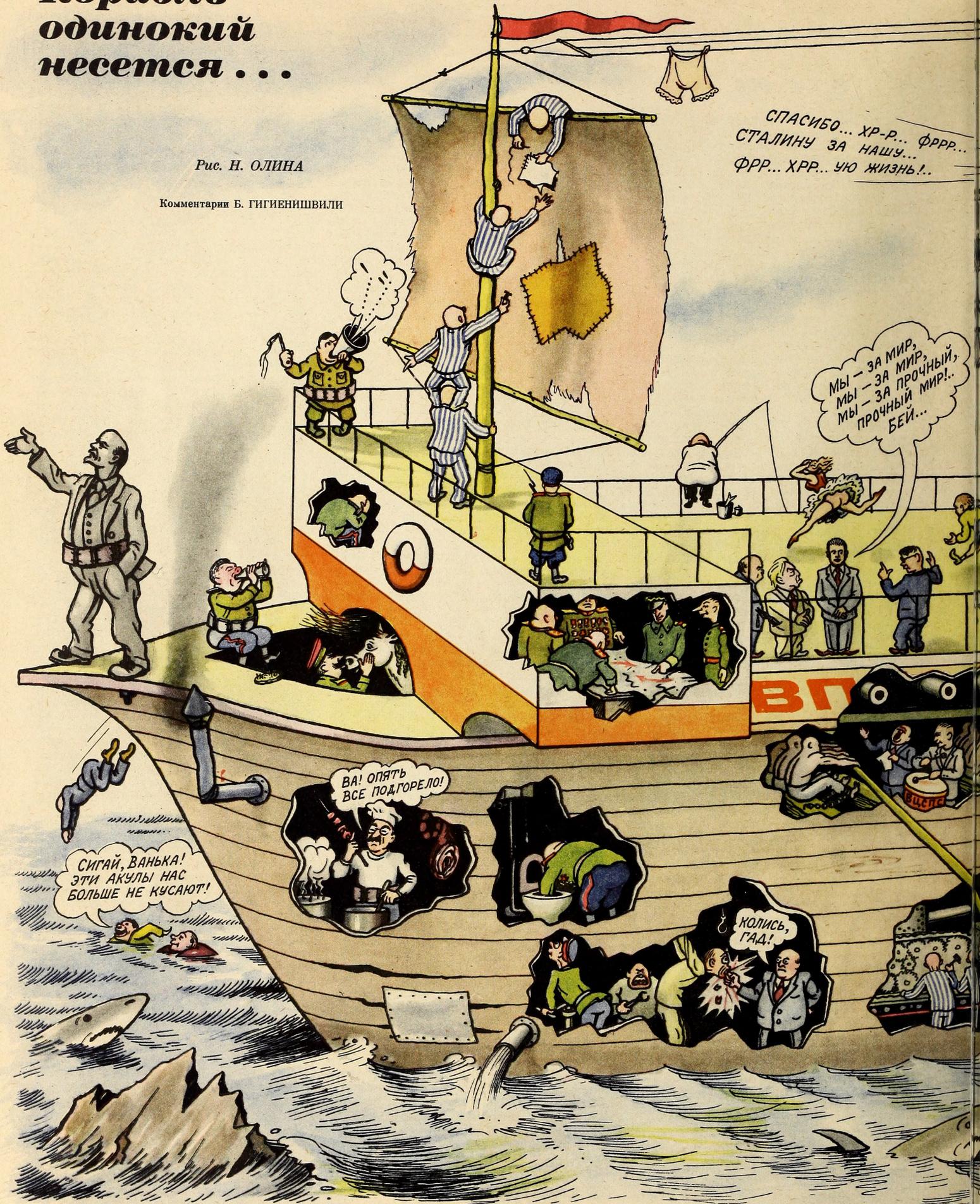

Корабль одинокий несется . . .

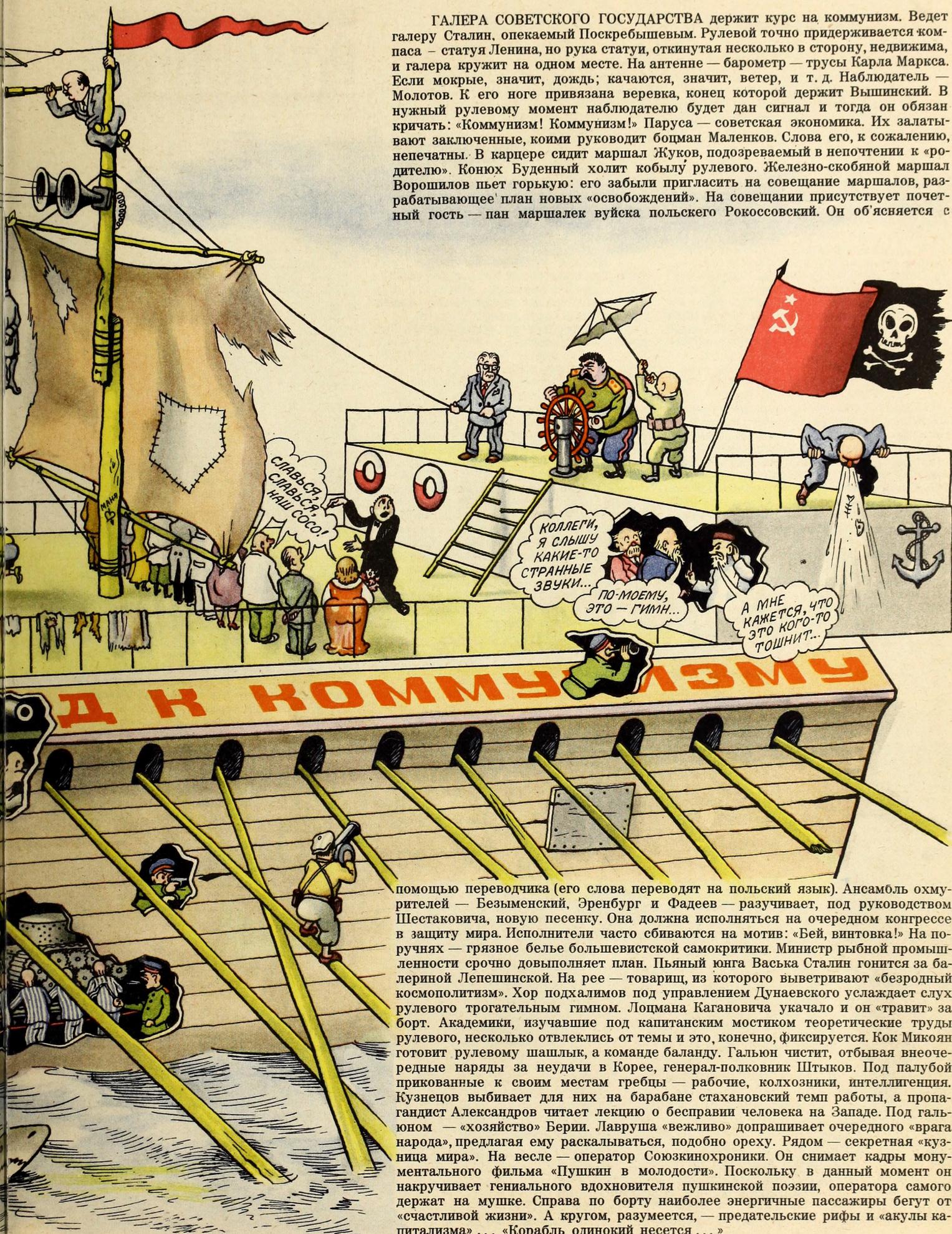
Рис. Н. ОЛИНА

Комментарии Б. ГИГИЕНИШВИЛИ

СПАСИБО... ХР-Р... ФРРР...
СТАЛИНУ ЗА НАШУ...
ФРР... ХРР... УЮ ЖИЗНЬ!..

ГАЛЕРЕЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА держит курс на коммунизм. Ведет галеру Сталин, опекаемый Поскребышевым. Рулевой точно придерживается компаса — статуя Ленина, но рука статуи, откинута несколько в сторону, недвижима, и галера кружит на одном месте. На антенне — барометр — трусы Карла Маркса. Если мокрые, значит, дождь; качаются, значит, ветер, и т. д. Наблюдатель — Молотов. К его ноге привязана веревка, конец которой держит Вышинский. В нужный рулевому момент наблюдателю будет дан сигнал и тогда он обязан кричать: «Коммунизм! Коммунизм!» Паруса — советская экономика. Их залатывают заключенные, коими руководит боцман Маленков. Слова его, к сожалению, непечатны. В карцере сидит маршал Жуков, подозреваемый в непочтении к «родителю». Конох Буденный холит кобылу рулевого. Железно-скобяной маршал Ворошилов пьет горькую: его забыли пригласить на совещание маршалов, разрабатывающее план новых «освобождений». На совещании присутствует почетный гость — пан маршалеk вуйска польского Рокоссовский. Он объясняется с

помощью переводчика (его слова переводят на польский язык). Ансамбль охмурителей — Безыменский, Эренбург и Фадеев — разучивает, под руководством Шестаковича, новую песенку. Она должна исполняться на очередном конгрессе в защиту мира. Исполнители часто сбиваются на мотив: «Бей, винтовка!» На поручнях — грязное белье большевистской самокритики. Министр рыбной промышленности срочно довыполняет план. Пьяный юнга Васька Сталин гонится за балериной Лепешинской. На нее — товарищ, из которого выветривают «безродный космополитизм». Хор подхалимов под управлением Дунаевского улаживает слух рулевого трогательным гимном. Лоцмана Кагановича укачало и он «травит» за борт. Академики, изучавшие под капитанским мостиком теоретические труды рулевого, несколько отвлеклись от темы и это, конечно, фиксируется. Кок Микоян готовит рулевому шашлык, а команде баланду. Гальюн чистит, отбывая внеочередные наряды за неудачи в Корее, генерал-полковник Штыков. Под палубой прикованные к своим местам гребцы — рабочие, колхозники, интеллигенция. Кузнецов выбивает для них на барабанах стахановский темп работы, а пропагандист Александров читает лекцию о бесправии человека на Западе. Под гальюном — «хозяйство» Берии. Лавруша «вежливо» допрашивает очередного «врага народа», предлагая ему раскалываться, подобно ореху. Рядом — секретная «кузница мира». На весле — оператор Союзкинохронки. Он снимает кадры мону-ментального фильма «Пушкин в молодости». Поскольку в данный момент он накручивает гениального вдохновителя пушкинской поэзии, оператора самого держат на мушке. Справа по борту наиболее энергичные пассажиры бегут от «счастливой жизни». А кругом, разумеется, — предательские рифы и «акулы капитализма»... «Корабль одинокий несетя...

Большевики в Албании

(От собственного корреспондента)

Как выясняется, методы обращения с советскими представителями, выработанные в ДП-лагерях западной Германии, начинают получать широкое распространение.

Об этом говорят вести, идущие из Албании.

В Албании, как известно, вводится советская государственно-политическая система, в связи с чем возникла острая необходимость разъяснять ее преимущества, которых местное население почему-то не замечает.

С двумя советскими пропагандистами, отправленными для этой цели в один албанский городок, случилось следующее.

Митинг на тему «О вреде частной собственности на орудия производства и средства передвижения», устроенный в городском клубе, прошел с большим подъемом. Но успех был омрачен непредви-

денным обстоятельством. Выйдя из помещения клуба, докладчики убедились, что автомобиль, на котором они приехали — и надеялись уехать обратно, — отсутствует полностью.

— Усовнархозили! Обобществили, суконные коты! — возмущались агитпропы.

— Стоит-ли так огорчаться? — удивлялись простодушные албанцы, — ведь от частной собственности, в сущности говоря, один только вред!

Положение, однако, создавалось безвыходное. К счастью, в Албании много ослов.

— Поедем ослими! — мрачно предложил пропагандист. Второй согласился. Так ослими и поехали.

В албанском городке долго царило праздничное оживление.

— Здорово мы их обалбанили! — радовались албанцы.

Б. Д.

«ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА»

О благотворном воздействии, которое оказывал и оказывает гений Сталина на великих людей прошлого, настоящего и будущего, написаны многие томы. До сих пор, однако, упорно замалчивалось влияние Сталина на Моцарта. Между тем, мы располагаем фактом, свидетельствующим, по меньшей мере, о том, что Сталин значительно содействовал распространению моцартовского музыкального творчества.

Директор американского Национального Фонда Искусств Карлтон Смисс приобрел в Праге ценную партитуру «Волшебной Флейты» Моцарта с тем, чтобы вывезти ее в Америку и сделать

достоянием мировой музыкальной общечественности. Однако, Смисс предвидел затруднения в смысле вывоза рукописи из Чехословакии. Тогда Смисс решил прибегнуть к помощи Сталина. И Сталин ему помог.

Смисс отправился в писчебумажный магазин и купил двести портретов Сталина. Между портретами он заложил листы партитуры. И в таком виде без труда вывез «Волшебную Флейту» в США.

Творение Моцарта Смисс поместил в музей Национального Фонда Искусств. Остается вопрос, где он поместил портреты Сталина. Предлагаем читателям высказать свои соображения. А. А.

В каждом народе тяга к свободе

Здорово братцы, родные русачки, молодые и старички, перемещенные и переместившиеся, крещеные и не крестившиеся!

Всем живущим в Новом Свете и сущим в большевицком кафете, то-бишь, за железным забором, мой привет с перестроением!

Не видались давненько! Раскидались маленько, как билиардные шары, когда в начале игры красный шар наносит удар всей пирамиде. В таком виде и мы пока, но и издалека будем стараться перекликаться! Для кого есть ООН, а для нас «Сатирикон»!

И я, пока не помер, влез в очередной номер. Жива как раз и моя старуха и, вот, сейчас шепчет мне в ухо: — Воздержался бы ты, Касьян, пока не переперелся за океан. Ситуация тревожная, охрана ненадежная. В Америке тебе патент дадут и слова твои взвешат, а тут большевички найдут и в момент повесят. — Нет, говорю, врешь! Не то поешь! Все продумано у дяди Трумана! Коли он не подведет, — Сталин не сожрет!

Смело крой, ребятки! Долой оглядки! Но не так дико, как Громыко и Вышинский. Это случай медицинский. «Паразитильное» явление двадцатого века. Превращение человека в урод, в ослокозла. До чего же природа зла. От этих говорящих ослокозлов у многих настоящих послосов такой жар случается и такие заминки, что даже пар выделяется сквозь ботинки! Который год портят нервы. И вот на тысяча первой, т. е. на очередной конференции, по одной корреспонденции, которую не обнародовали янки, три министра израсходовали по два канистра валериана! Где бы скорее кончить с Кореей, а у них пока — вроде моего райка. Как конференция — так мне конкуренция. Мы, уж, старики, и то играем в конференц-тото: я ставлю на Эчисона, кум — на Моррисона, а два бауэра — на Аденауэра.

Для всех не сладки Сталина порядки! Жизнь — как в Бедламе, по Ве-Ка-Пешешеной программе! От этой чумы все бегут. И вас мы поджидаем тут. Старайтесь! Мы с вами! Выгребайтесь руками и ногами из сталинской клетки, русской земли дети! Нам понятно, что это сложно, но не невероятно и не невозможно. Если Дядя Сам чуток подможет, то и наш народ охулки на руку не положит! А мы, Дядю Сама тут (пока шею не сломим) всей оравой, и военной и свитской, знакомим отменно с отравой большевицкой. Он понял угрозу и сказал: «О кей!». И поднял лозунг: «ВКП-бей!»

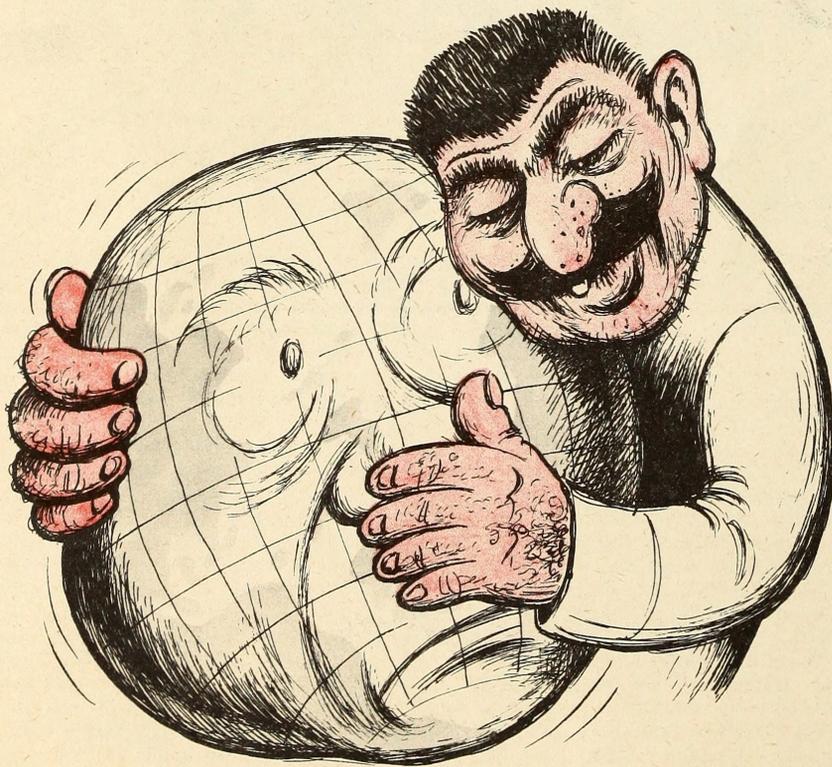
В каждом народе тяга к свободе. Тото вот и оно-то, что потерять ее не охота!

И я рад ужасно! Я — свободный! Могу безопасно и всенародно говорить про события и Сталина крыть в три перекрытия! Да не только его, а кого пожелается и из западной братии. Вот это называется демократия! А пока до свидания, до следующего издания. Коли вышло не гладко — простите за изъяз. Мое вам с заплаткой —

Дед КАСЬЯН

Сталинское МИРОлюбие

Рис. Н. ИР-СКОГО

„Люблю, как душу, трясую, как грушу!“

Новая фаза

В самое ближайшее время ожидается очередной завиток генеральной линии партии. Все планы будут отменены, как очковирательские и не оправдавшие себя на практике. Все будет перестроено по принципу госзаданий.

«Государственное задание — закон, который должен выполняться каждым». Так изрек недавно «великий корифей» и так повторяют все мелкие фарисеи.

Начнется «новая фаза» с «производственных заданий». Этот термин уже усиленно внедряется в сознание масс. Каждый гражданин, чтобы он не скучал и не размышлял, получит на каждый день твердое производственное госзадание. Выполняй — хоть лопни. Будет примерно, как при коллективизации: выполнил одно задание — выполняй следующее. Без заданий на следующую ступень к коммунизму не подняться. Добровольно карабкающихся по сталинской лестнице мало остается даже в партии.

Советские граждане, как таковые, упраздняются. На основе «сталинской демократии» они превращаются в объекты госзаданий — в госданников.

В стране оформляются два класса: класс, дающий задания, и класс — получающий. По марксистской диалектике, первый класс будет одновременно и дающий (задания), и отбирающий (продукцию); второй, соответственно — получающий, и отдающий. Эксплоатации, конечно, не будет. Классовая борьба будет предотвращаться органами МГБ. Бытие этих органов запрокинуто до скончания коммунизма.

Кроме производственных заданий, каждому будут даны и другие. Появятся новые сокращения. Например: «задрох-васта» — задание по произношению хвалы обоженствленному Сталину. Или: «зад-дуры» задание добить уцелевших «рыволюцынэров» (специально для МГБ).

Итить станет еще легче, еще веселее...

Петя ПУГОВКИН

СКАЗОЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Недавно, во время передачи «Последних известий» по московскому радио, весь капиталистический мир вздрогнул.

Советский диктор оповестил о новом, небывалом достижении «самой демократической страны в мире». Едва справляясь с волнением, он объявил:

— Сегодня директор самого большого московского автомагзина сообщил нам, что в подведомственном ему предприятии за день было продано...

Тут диктор сделал небольшую паузу, чтобы особо нервные и страдающие пороком сердца успели подготовиться — ... было продано ... семнадцать автомобилей!!!

Это был гром, грянувший с ясного неба.

Труман уронил очки, после чего ясно увидел неизбежность гибели капиталистической системы. Черчилль, находившийся в Верхней Палате, выпустил изо рта сигару, которая упала в Нижнюю Палату и прожгла брюки министру иностранных дел. Один американский фермер — сторонник капитализма — в панике бросился к принадлежащим ему семнадцати автомашинам и, развивая бешеную скорость, скрылся в различных направлениях.

Приздумался и Ваня Подсоветчиков,

бывший дипи, проживающий ныне в США, Лос-Анжелос, Калифорния. Правда, он успел уже приобрести в Америке автомобиль, и даже обменять его на более новую марку, но, все же, бешеный расцвет автопромышленности в родной стране произвел и на него впечатление.

Но тут Ваня вспомнил одну деталь. В советской радиопередаче, для вящей убедительности, были поименованы также лица, купившие автомобили. Это были: лауреат сталинской премии такой-то, герой труда такой-то, герой Советского Союза такой-то, и так далее.

«Выходит, — подумал Ваня Подсоветчиков, — что снабжение автомашинами в СССР начинается, так сказать, с самого верха. А я находился там, так сказать, с самого низа...»

Ваня Подсоветчиков присел к письменному столу (приобретенному в распродажу вместе с пианино и холодильником) и, исходя из численности народонаселения СССР, без труда подсчитал, что, примерно, через 20 или 30 тысяч лет и до него дошла бы очередь на получение автомобильчика.

«Время терпит» — решил Ваня. Сел в свой лимузин и отправился покупать стиральную машину.

В. ВИК.

Григорий КЛИМОВ

Встреча на Эльбе

(Отрывок из книги «Берлинский Кремль», выходящей в ближайшее время на немецком языке.)

На обратном пути в Берлин у нас происходит непредвиденная задержка. Где то около Лютерштадта с треском лопается задняя шина. У шофера — ни запасного колеса, ни камеры, ни даже резинового клея. Генерал яростно ругается: он во чтобы то ни стало хочет попасть в Берлин до наступления темноты. Повидимому, генерал не слишком полагается на работу комендатур.

Мы с Кузнецовым переглядываемся: доставать колесо придется нам, так как шофер Миша от страха потерял всю изобретательность, которой славятся советские шоферы. Выход один: «организовать» колесо у какой либо проезжающей автомашины.

По всем правилам военного искусства мы блокируем дорогу, задерживаем все проезжающие автомашины и подвергаем их осмотру. Ни одно колесо не подходит к нашему «Адмиралу». К удивлению задержанных мы без помех отпускаем их дальше. В душе они, наверно, уже распрощались со всеми своими чемоданами. Контроль высокий: сам генерал стоит рядом с нами, сверкая лампасами и прочими знаками генеральского достоинства.

Через некоторое время мы замечаем движущуюся по шоссе странную автоколонну. Несколько крытых грузовиков, размазанных во все цвета радуги, пестрые афиши, пахнет жареным луком и богемой. Оказывается — бродячий цирк, цыгане XX века. Нехватает только черномазой Кармен для полноты эффекта. Живописный кортеж замыкает джип, за рулем которого сидит американский капитан.

Я оглядываюсь кругом в поисках командующего этим парадом и соображаю, на каком языке здесь следует объясняться.

В этот момент из джипа выскакивает недостающая Кармен и обращается к нам на звучном диалекте трущоб Вейдинга.*)

Мы с майором Кузнецовым на момент даже забываем зачем мы остановили все эти автомобили. Фиалка Вейдинга была чертовски хороша. Недаром американский капитан пустился сопровождать свою даму сердца в опасный путь по дорогам советской зоны. Ради такой женщины забудешь все предписания и Эйзенхауэра, и Жукова вместе взятых.

С трудом оторвавшись от заманчивой картины, мы начинаем осматривать колеса у автомашин, попутно консультируясь по техническим вопросам с Мишей. Наконец очередь доходит и до американского джипа.

— Как насчет джиповских колес? — спрашивает Кузнецов у Миши.

— Дырки сходятся. Немного хромать будем, но до дома доедем, — отвечает тот.

Итак, вопрос решен. Сейчас мы получим дополнительные поставки по ленд-лизу. К тому же, у джипа сзади торчит пятое колесо. Излишняя роскошь.

Я объясняю Кармен наше бедственное положение и показываю пальцем на пятое колесо джипа. Генерал вспоминает потсдамский договор и психологию запугивания:

— Спросите у американца — имеет ли он пропуск по советской зоне. Почему он здесь катается?

Но таланты и поклонники и без мер психологического воздействия с радостью готовы откупиться столь дешевой ценой, как одно колесо.

Я записываю берлинский адрес капитана, чтобы по приезде вернуть объект экспроприации его владельцу. Позже я несколько раз приказывал Мише отвезти колесо по этому адресу. Откровенно говоря, я опасался, что колесо обернулось бутылкой водки и бесследно исчезло в желудке Миши.

Если американскому капитану придется читать эти строки, то я еще раз выражаю ему мою благодарность и сожаление по поводу происшедшего.

*) Вейдинг — прославленные трущобы Берлина, бедный северный район.

Астрология

Гретхен верила в астрологию, но то, что говорила ей старуха, было невероятным. Она сказала, как зовут родителей Гретхен и где она родилась, сказала о болезни шесть лет тому назад, даже о том, как Гретхен засыпало при бомбардировке Мюнхена.

С суеверным страхом смотрела Гретхен на большое лицо гадалки. Одна рука старухи, белая и жирная, украшенная кольцом с красным камнем, лежала на желтом черепе — и череп смотрел прямо на Гретхен, другая медленно ползала по раскрытой книге, толстой и потрепанной, как хозяйка. Стол был покрыт красной скатертью, вышитой звездами.

Старуха говорила медленно и хрипло: — Ты была влюблена три раза: первого звали Фриц, второй — Отто, третий — Адольф.

Гретхен побледнела.

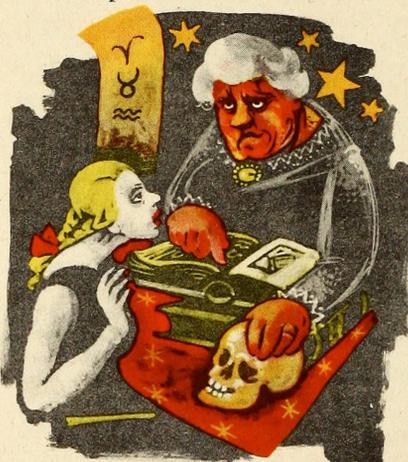
— Это были ошибки молодого месяца. Теперь возле тебя четверо мужчин, и ты не знаешь, кого выбрать. Один — с белой звезды — высокий, стройный, богат и силен. Но он эгоистичен и жаден, в сердце у него жаба со звезды твоего несчастья. Второй — толст и надменен, в сердце у него хлопоты о себе. Третий — красив и галантен, опытен в делах любви, но легкомыслен и беден. На нем печать твоей болезни и твоих слез. Четвертый — суровый, крепкий муж, чист сердцем, мужествен лицом. Он це-

лован голубем твоего счастья! Остальные — звездная пыль млечного пути. Назвать тебе имена этих четырех? — голос старухи переходил в шепот.

Гретхен жутко. Она знает: это Сам, Джон, Пьер и Иосиф.

— Не... не... надо...

— Твое прошлое раскрыли звезды твоего гороскопа. Твое настоящее я ви-

жу на звездных путях. Твое будущее рассказала мне утренняя звезда Диалектика.

Вдруг старуха широко раскрыла водянистые глаза и хрипло зашептала в лицо Гретхен:

— Будешь счастлива за родившимся в ноябре, восьмого дня! Если нет такого, выбирай того, кто родился ближе к этому дню! Он будет гармонировать тебе во всем... И торопись, ибо звезды не останавливаются, и не ждут.

Старуха откинулась в кресло и закрыла глаза.

— Теперь молчи... уходи... Ты все знаешь, что дано знать человеку... Звезды устали... устала и я...

Дрожаящая Гретхен поднялась. Череп следил. Вспомнила о деньгах. Торопливо вынула все, что имела — двадцать шесть марок, положила на край стола и, пятясь, вышла из комнаты.

На следующий день Гретхен знала: Джон родился в мае, Пьер — в июле. Они сразу же потеряли для нее всякий смысл. Оставались Сам и Иосиф. Но Сам уехал в отпуск в Америку, а Иосиф, кого целовал голубь ее счастья, почему то не приходил.

Она не знала, что радостный Иосиф бегал по магазинам, делал покупки и украшал свою комнату. Причину покупок и радостного настроения знали только он и старуха-гадалка, которой он пять дней тому назад заплатил сто марок и рассказал о Гретхен. Про знаменитую в Берлине старуху Иосиф узнал от самой Гретхен, когда она говорила подругам, что собирается узнать свою судьбу. Иосиф помог звездам. Он родился седьмого ноября, но восьмое было правдоподобней и, кроме того, на разницу в один день в будущем можно было свалить все негармонизирующее.

Когда через три дня все было готово — комната, подарки — Иосиф пошел к Гретхен.

Гретхен встретила его нарядная и сияющая:

— Как я рада, дорогой Иосия! Поздравь меня: я выхожу замуж. Вчера вернулся Сам... Он родился восьмого ноября...

— Вот что значит шутить с астрологией! — подумал Иосиф, когда понял, что случилось.

Овация не удалась...

ОТ РЕДАКЦИИ. По сообщению крупного советского перебежчика, в Москве арестована часть редколлегиз газеты «Правда» и ряд крупных партийных работников, создавших разветвленную антисталинскую организацию, подготовлявшую свержение диктатора. Подготовкой к этому акту должна была послужить всеместная дискредитация имени вождя путем неумеренного восхваления, доведенного до очевидного издевательства.

Картина первая

(Кремль, кабинет Сталина. Отец народов и нарком Зверия.)

Зверия (заканчивает доклад): ... Я уже принял все необходимые меры. Арестована часть редколлегиз «Правды». На допросе все арестованные сознались... (Делает паузу и плотножно скрипит зубами.) Сознались и назвали сообщников. Составляется список на сто тысяч...

Отец народов (нетерпеливо прерывая): Нычего нэ паньямаю. Ты говоришь — разговор, вредительство... Какой разговор?! Какое вредительство?! Чем больше хвалят, тем лучше. По моему, мало хвалят.

Зверия: Да, но они...

Отец народов (стучит кулаком по столу): Вредительство... Ты сам вредитель... Ишак кавказский, вот ты кто... Как можно меня перехвалить... Перехвалить!... Быть этого не может! Мало меня хвалят! Мало! Мало! (краснеет и в бешенстве сверлит наркома глазами).

Зверия бледнеет, чернеет, зеленеет, дрожит и от страха стучит зубами.

Отец народов (наливает стакан воды; пьет, громко булькая; затем рычит и говорит, задыхаясь от волнения): Ты, может быть, думаешь, что я не солнце, не отец человечества, не самый мудрый, не самый добрый... Ну-ка, скажи!...

Зверия (заикаясь и глотая слюну, победострастно скрипит зубами): Ты солнце, ты отец человечества, ты самый мудрый, ты самый добрый...

Отец народов (несколько успокаиваясь): То-то. Ну, иди... Арестованных можешь расстрелять: все равно они теперь с перепугу не сумеют хвалить меня, как надо. А списка не составляй, ни к чему. (Минуту думает.) Доклад все-таки оставь, я его один прочту. А ты можешь итти.

Зверия кладет на стол объемистую папку и выходит, тихо скрипя зубами.

Картина вторая

Отец народов (курит трубку, перелистывает доклад и бормочет):

«... В Ростове на Дону городскому моргу присвоено имя товарища Сталина... В колхозе «Заветы Ильича», Калининской области, племенной боров-рекордсмен получил кличку «отец народов»... Главпарфюмер выпустил духи «Аромат Сталина»... На митинге в честь семидесятилетия тов. Сталина в Риге после основного доклада выступило десять ораторов, десять раз подряд слово в слово повторивших основной доклад». ...Этим ослаб и надо повторять слово в слово десять раз... (Читает дальше.) «В результате, после шестичасового непрерывного заседания половина собравшихся заснула тут же в зале»... Как могли позволить заснуть? (Читает дальше.) «И когда председатель, закрывая митинг, воскликнул: «Слава великому Сталину!» — овация не удалась.» Овация не удалась... (Вскакивает, нервно ходит по кабинету и рычит.) А, может быть, Зверия прав? Нэ взрю, ныкаму болшэ нэ взрю, ныкаму... Вызывает секретаря.

Картина третья

Секретарь входит, с опаской глядя на отца народов.

Отец народов: Беги к Зверии, скажи, чтобы сейчас же составлял список, какой — сам знает.

Секретарь молниеносно исчезает.

Отец народов (оставшись один): Я им покажу, как срывать овацию!... Я им... (Занавес)

А. ВАСИЛЬЕВ

УВАГА, ГОВОРИТЬ КИЇВ!

Весело живеться в советській Україні, в проміннях ясного сонечка (з вусами)... Вдень працюють, а вночі обдумують, як би завтра плян перевиконати. Подумують, подумують, а там і на роботу час і пора. Газета „Радянська Україна” відзначає дуже великий ентузіазм щасливих советських українців. А наприкінці приходить до трохи несподіваних висновків:

„... українські підприємства важкого машинобудування, машинобудування, і приладобудування, промисловости будівельних матеріалів, а також лісової кооперації в УРСР не повністю виконали свої пляни у першому кварталі”.

Ай, яй-яй, колгоспи і підприємства! Як же ви це так, га?

Уже ж партія та уряд про вас так дбають, так піклуються, що вже далі нікуди. Норми щочасу підвищують, паясну ікру і крабів по „Гастрономах” продають, портрети товариша Сталіна з усіх кутків на вас дивляться, до праці закликають... А ви — плян не виконуете... Гай-гай, та ще й зелененький, а, може, навіть красенький!

Єдине, що може втішити советського партиота, (гадаємо, така транскрипція советського слова „патріот” більш відповідає його змісту) — те, що капіталістичні акули Америки, як повідомляє та сама „Радянська Україна”, терплять справжнє лихо.

Америка бо:

„... за останні 20 років маслище 2% середньорічного приросту промислової продукції”.

Для акул, нібито, непогано, але ясно, що США в порівнянні з УРСР технічно відстала країна. Далеко кучому до зайця!

УРСР НА МІЖНАРОДНІЙ АРЕНІ

Мал. С. Бухти-Баракти

— Скажи, враже, як пан каже!

З оригіналом згідно

(З життя УРСР)

Новий рекорд орденосної свиноматки

Дніпропетровське (ТАСС). Орденосна свиноматка „Жемчужина” спеціалізованого радгоспу „Вето Совета” встановила новий всесоюзний рекорд опоросу, привівши в першому кварталі цього року триста „ділових поросят”, (вираз советської газети, з якого виходить, що серед порослят є також легковажкий, неділовий елемент). Місцева многотиражка „Советський Окорок” присвятила цій події спеціальне число під гаслом „Соцопорос — Уолл-Стриту купорос!”. Відомий поет-орденосець Вадим Бичко, що бере участь у газеті в порядку культшефства, пише: „Цією ковбасою, що наша соцпромисловість виготує з ділових порослят, будемо нещадно бити по підпалювачах війни”. Рекордсменка взяла на себе зобов'язання перед товаришем Сталіним: довести опорос до сімсот ділових порослят.

Роди, працой, та ще й танцой!

В колгоспі імені Сталіна Ульяновського району (Одещина), в кожній рілнійній бригаді виділено по одному жіночому організатору. Завданням організатора є організувати колгоспниць на підвищення продуктивности праці. Жіноча рада колгоспу ухвалила виділити жінок до гуртків танцюристок, музик та співачок.

Чудесна доля укрупненої советської жінки! Щойно покінчила працю, зараз біжи, обладнай родильний будинок, народи собі дитину, — і гайда танцювати!

РОЗСТЕБУН ТА ЙОГО ТАБУН

(З советської літератури та критики)

У ПОЛОНІ ГНИЛОЇ КОНЦЕПЦІЇ

Нова книга молодого автора Валерія Околоковбасенка не може бути названа повноцінною (Валерій Околоковбасенко, „Большая Дірка”, роман. Изд-во „Советский писатель”. Киев, 1951, стр. 367). Деякі сторінки примушують радянського читача насторожитися. Автор свідомо не вип'ячує того, що повинен вип'ячувати радянський письменник, „інженер людських душ” за геніальною формулою великого Сталіна. Чому не вип'ячує?

Дія роману відбувається в наші дні на Україні. Ось центральна постать роману, Явтух, колишній моряк — учасник Вітчизняної війни, а нині голова кустарно-ткацької артілі „Большая Дірка”.

„... Явтух здвигнув широкими козацькими плечима. Комір його вишиваної сорочки ще більше поповз догори і відкрив бронзово-засмагли груди з витатуваним тризубцем Нептуна”.

Плечі, як помітив читач, „козацькі”. Сорочка — „вишивана”, на грудях, замість співзвучної емблеми — сумнівний тризубець (!), так підозріло нагадує націоналістично-уоллстрітський значок!

— „Не будемо об'єднуватися з ними! — сказав Явтух гнівно, (йдеться про об'єднання з сусідньою артіллю „Шкарпетка Ілліча”). Моя точка така: полишимося самостійні! — Він кинув недопалену цигарку і блакитними очима глянув у вікно, де жовтіли вже стиглі ниви”...

Чимось не нашим дхне від цього уривка. Не наш це герб, що дивиться **БЛАКИТНИМИ** очима на **ЖОВТЮЧІ** лани, прагнучи при цьому **САМОСТІЙНОСТІ**. Чужа рука водила рукою автора, коли він писав роман „Большая Дірка”. Не наша це дірка, не радянська!

Я. Розстібун.

(Передав Хома Халтура)

Героїчний академик Павло Григорович Гичина склав вірша, присвяченого актуальній темі укрупнення колгоспів в Україні. Охоче передруковуємо твір мас-тистого автора. — Ред.

А нумо ж, ну, притупнємо,
Притупнємо, притупнимо,
Самих себе укрупнимо.

Колоспи за колоспами,
Орять плугами гострими,
Прегострими, гукунними
І разом: Ну! Укрупнимо!

Нум, нумо укрупнитися!
Життя у нас — як рай.

Життя в Кремлі — як масниця,
Мені ж — какая різниця?
Співай, поет, співай!

(Надіслав Данило Трепачина)

МАЙЖЕ ЗА Т. ШЕВЧЕНКО

(до діяльності Н. Хрущова в Україні)

Кілок вишневий коло хати,
Хрущови над кілком гудуть...

УРОЧИСТІ ЗБОРИ

Дніпропетровське (ТАСС). У зв'язку з преобразуванням природи у неприродний стан, по великих містах УРСР провадяться мітінги-зібрання, на яких згадують минулі героїчні будівництва. На загальних зборах робітників Дніпрогесу була зачитана шостигодинна доповідь про Дніпробуд. Присутні спали дніпробудним сном.

Осваиваем Тразизию

Кто бы мог подумать, что я — Иван Петров — попаду в Южную Америку? До чего хочется написать ребятам в деревню... Вот бы удивились! Они, поди, давно похоронили меня. А как напишешь? Еще под монастырь подведешь ребят. Думал я написать председателю колхоза (может после моего письма укукут его) и тем услужу народу сделать, но кто его знает — будет ли новый председатель лучше?

В общем, обидно: жив, а домой сообщить нельзя. Поделиться не с кем.

Интересная она, Южная Америка. Все наоборот: На севере — юг, на юге — север, летом — зима, зимой — лето. Утром встанешь — холодина; выходишь в пальто. Через полчаса пальто долой, а на службу приедешь (служу я теперь на складе фруктов) и пиджак снимаешь. В полдень жара такая, что хоть все скидай, а в вечером опять пальто в пору. Странно поначалу было.

Когда привезли нас, поместили в лагерь. Только название — «лагерь»: среди деревьев несколько барачков из тростника — и все. Дипи — народ привычный: моментом акклиматизировались. Захватил я себе большущее дерево и организовал «комиссионный магазин». Развесил на ветках свое барахлишко, другие принесли свое — на комиссию. Народ местный — метисы, мулаты всякие — стал стекаться: покупать, менять «европейские товары».

Скоро дерева мне мало стало, пришлось арендовать у соседей. Дела пошли блестяще; все, даже, завидывали!

Среди местных жителей появились у меня знакомые. Чудно они здесь живут: халабуды, вроде наших украинских мазанок; мебели мало, но зато цветные циновки. Идешь мимо — у мазанки стоит шикарный американский автомобиль, из открытой двери слышится радио-музыка. Конечно, не у всех автомобили, но есть. Больше, чем у нас на «социалистической» родине.

Стал я себе дело присматривать. «Комиссионный» то лопнул, как только разъехался лагерь. Многие из наших хлопцев пошли в охотники на удавов. Я — человек не очень боевой — поболялся. Хоть и выгодное занятие, да страшное: мыслимо ли это дело, чтоб на тебя удав (длиной в пять-шесть метров, толщиной с ногу) кидался, а ты стой с ножом-бритвой в руках и жди, пока он начнет вокруг тебя обкручиваться и сам себя о нож резать. А, вдруг, он не захочет на нож лезть и придавит где в дру-

гом месте? Нет, уж, Бог с ними — с работками!

Попалась мне работа у местного лесника, немца родом. Но трудно здесь без привычки на свежем воздухе работать. Идешь — и, вдруг, жук на рубаху сел! Скорей рубаху долой и растирай мазью место, где жук сидел. А то вскоит такая шишка — с кулак — что вырезать придется. Жук моментально личинки в поры кладет.

Сесть отдохнуть на траву или камень — и не думай! Моментально всякой твари наберется. Местное население привыкло, не замечает.

«Комиссионный» мой дал мне малость капитала. И решил я открыть лавочку: квасом торговать. Думал; раз жара, то квас — первое дело! Никакая кока-кола не сравнится с квасом на льду. У многих запасливых Дипи еще из Германии сухари были (у меня тоже с полмешечка хранилось). Скупил я сухарики и такой квас приготовил, что закачаешься.

Весь Санто-Мари шел мой квас пить. На два дня хватило, а на третий выяснилось, что кваса больше не из чего делать: хлеба нашего, европейского нет! Из кукурузного квас не сделаешь. А выписывать муку — убыток.

Одним словом, пришлось бросить квас. Хотел уезжать на север, то бишь на юг, но тут встретил — девицу! Не девица, а тысяча одна ночь! Ну, что называется, южная красавица: глазищи-прожектора — огромные, горят... Ну, и пропал я! Согласился бы для нее на удавов итти... Однако, не пришлось. Папаша красавицы склад фруктов имеет. Вот, вызвал он меня и говорит (больше на пальцах, конечно), чтоб я ему помогал.

Одним словом, счастлив я! Счастлив, дорогие мои! Люблю, любим — и невестой, и папашей. Одного не хватает: как бы поделиться радостью с ребятами в деревне. Не будь «отца народов», послал бы я им фруктов, каких они и не видывали! Фотографию послал бы. Наверное, не поверили бы, что невеста у меня такая: на киноактрису уж здорово похожа....

А ребята прислали бы мне буханку ржаного хлеба, да литрочку нашей московской! Эх, приятно вспоминать, как ржаной хлеб пахнет... Родиной!...

Как вы думаете, дождемся мы, когда письма и посылочки домой посылать можно будет? Я думаю, дождемся!...

И. ПЕТРОВ

ЧЕМ НЕ АНЕКДОТ?

Один соотечественник, желая выехать из Германии в Америку, прошел комиссию в СиАйСи и на вопросы: о месте рождения, об образовании, откуда попал в Германию — ответил: 1) родился в России, в С-Петербурге; 2) учился в РСФСР, в Петрограде; 3) удрал из СССР, из Ленинграда. Так в

СиАйСи и записали. Так пометил и консул. А в последней инстанции соотечественнику заявили, что он навал, и что все это одно и то же — за исключением некоторой разницы.

— Вот из за этой-то «некоторой разницы» я и удрал, — ответил соотечественник.

В русской политической эмиграции произошло знаменательное событие. Родился новый журнал литературы и критики», получивший при крещении звучное имя «Литературный Современник». Остряки дали журналу и другое имя — «Своевременник». Появление нового существа на свет Божий — событие радостное. Радостным является и рождение «Литературного Современника». Редакционными восприемниками нового журнала являются литераторы — В. Завалишин, Б. Рудольф и Б. Яковлев. И, нужно сказать, что восприимое ими дитя — весьма многообещающее.

В журнале есть хороший литературный материал. Как не отметить рассказы Е. Гагарина и А. Перфильева, яркий очерк А. Богдановича, жизнерадостное стихотворение О. Ильинского, интересные статьи В. Федорова, А. Волкова, В. Завалишина, А. Гаева и т. д. Не желая «радеть родному человечку», мы не говорим о сатириковце С. Юрасове, бесцеремонно занявшем первые странички «Своевременника». Судите его сами. Судите строго!

Но, как говорится, и на солнце есть пятна. Не избежал родимых пятен и наш эмигрантский «Современник». «Сатирикону» очень хочется «пройтись» по этим имеющим для него притягательную силу местам. Однако, на крестинах не дают младенцу тумачков, даже самых легких, — при том же «Сатирикон» лучше других понимает все причины и условия.

«Сатирикон» со всей свойственной ему горячностью приветствует своего «серьезного» и «толстого» собрата — почти ровесника, и желает ему успеха. Сатириковцы со своей стороны шлют коллективу журнала пожелания самого быстрого и на пять с плюсом усвоения «учебной программы», изложенной восприемниками во вступительной статье.

В добрый час!

* * *

Перелистывая журнал снова и снова мы не можем избавиться от искушения взять из него для нашего читателя хоть чтонибудь почти «сатириковское». Была не была! Ведь, лучшее средство избавиться от искушения — это поддаться ему.

В «миниатюре», озаглавленной «Голуби», папа с сыном идут по улице Риги. «Папа, какие это птички?» — внезапно восклицает сын. Оказывается, ребенок, прибывший из Советского Союза, никогда не видал голубей. На распросы сына — почему, собственно, эти птички исчезли в СССР, — родитель поясняет: «... в мире есть несовместимые вещи: Сталин и голуби несовместимы...» Невинные голуби, передохшие в знак протеста против сталинского режима — без сомнения, очень трогательный образ. Но... голуби в СССР, все-таки, есть.

В рассказе Шалвы Сослани «Дом № 10 на Страстном» директор московской филармонии Шостаковский «отрицательно чмокнул языком»... Предлагаем всем читателям чмокнуть языком отрицательно, а затем положительно. Нам почему то не удается... О писателе Правдине автор говорит: «Если присмотреться к нему поближе...» Не следовало ли редакции, поместившей рассказ, также «присмотреться к нему поближе» и...

Есть в журнале любопытные словесные находки. Говорят, это — оговорки. Нет! Вот, например, термин «стихотворение», появившийся на стр. 51. Он, безусловно, удачен и всегда применим к поэтическим произведениям, напоминающим на вкус репу.

Ждем второго номера.

Странное обстоятельство

В беседе с иностранными журналистами, имевшей место в свое время, Луначарский стремился убедить их в преимуществах коммунистической партии.

— Вы не можете не признать, — говорил Луначарский, — что члены нашей партии обладают тремя достоинствами: они умны, честны и преданы партии.

— Несомненно, — возражали деликатные журналисты, — но и вы не можете не согласиться, что в отдельном члене вашей партии из этих трех достоинств почему то всегда имеются только два: если член партии умен и честен — он не предан партии, если честен и предан партии — он не умен, если умен и предан партии — он нечестен.

Существенное различие

Поэт Ю. Трубецкой утверждает, что между русскими и англичанами имеется следующее существенное различие: будучи в гостях, англичане уходят, не прощаясь, а русские прощаются, но не уходят.

Самая древняя профессия

В одной компании заспорили о том, чья профессия является самой древней.

— Вне сомнений моя, — сказал хирург. — Вырезать Еву из Адамова ребра можно было только при помощи ножа хирурга.

— Да, — сказал садовод, — но еще до этого существовал райский сад. Насадить его мог только опытный садовод.

— Прекрасно, — возразил геолог. — Однако, прежде всего произошло отделение воды от суши. Процесс чисто геологический.

— Эх, друзья, — засмеялся коммунист, — вы забываете, что в самом начале был хаос. А какой хороший хаос можно создать без участия коммунистической партии?

Плановый запах

— Андрей Михайлович, что это у вас в кабинете липой пахнет?

— Пятилетний план составляю.

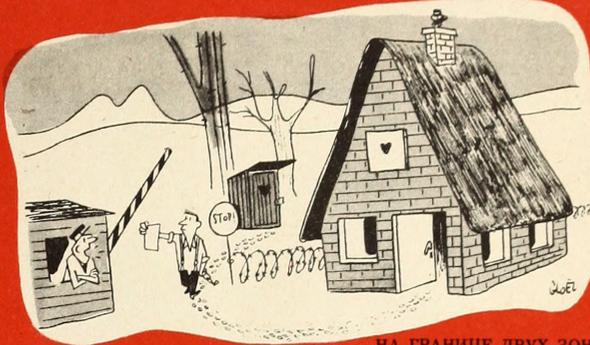
Юмор Черчилля

— С тех пор, как Шинуэлл назначен военным министром, я спокоен: войны не будет, — заявил Черчилль.

— Но, почему? — удивились собеседники.

— Потому, что когда Шинуэлл был угольным министром, угля тоже не было.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

НА ГРАНИЦЕ ДВУХ ЗОН

— Я вам уже говорил: не показывайте каждый раз пропуска!

„Frankfurter Illustrierte“

— Простите за беспокойство, но мне уже пора уходить!

„Quick“

— А это последняя фотография моего мужа...

„Neue Post“

— Все это хорошо, Эмиль, но скажи: откуда ты взял марку на лотерейный билет?

„Quick“

— Ну, и кабак у вас, кельнер! Пока я следил за своим пальто, кто-то спер мой шнитцель!

„Frankfurter Illustrierte“

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

ЖБ НКЖУРС

«САТИРИКОНА»

НА ЛУЧШИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕЛЬЕТОН И ЛУЧШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ КАРИКАТУРУ.

I-я премия DM 100.—

II-я премия DM 75.—

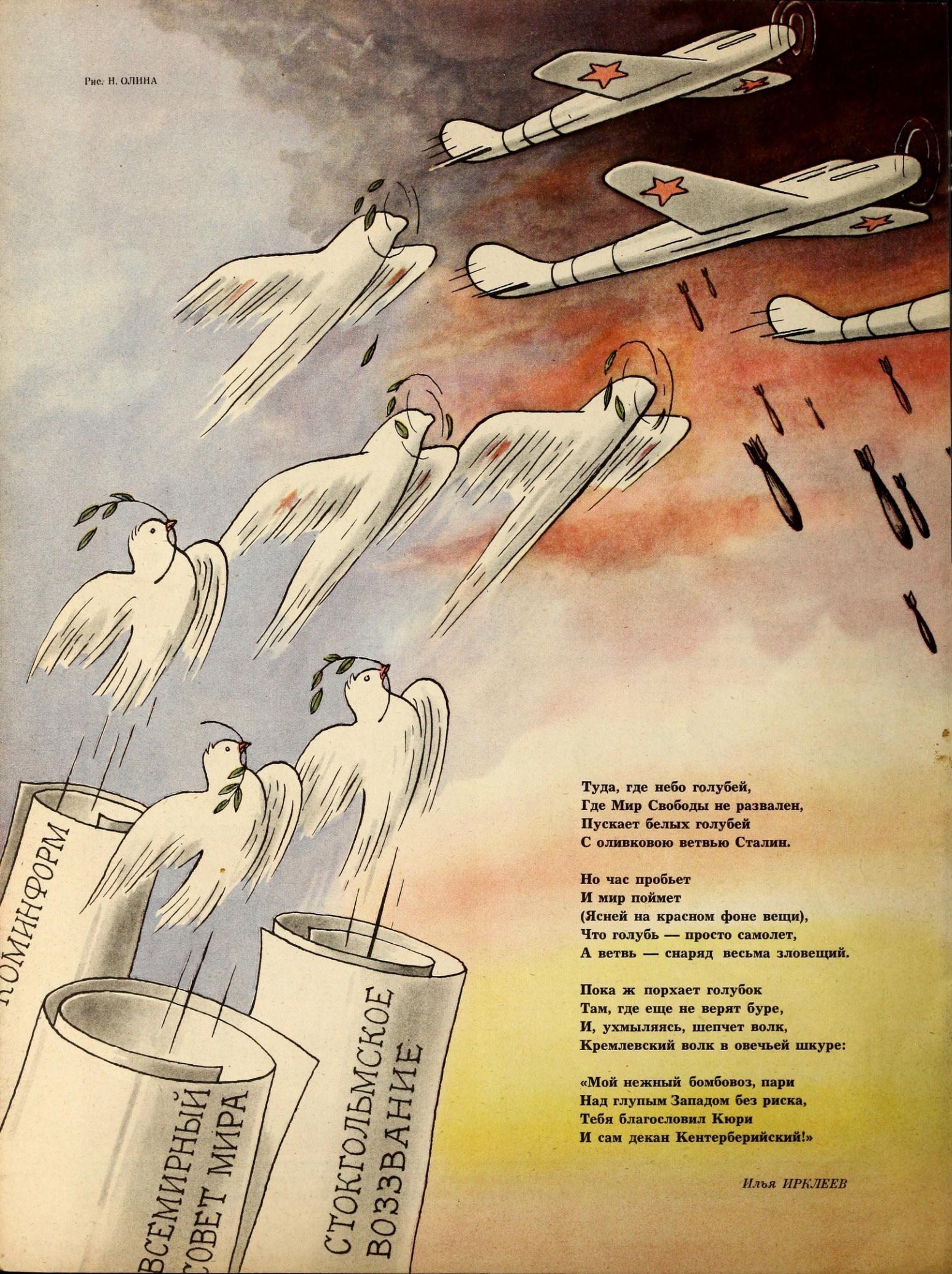
III-я премия DM 50.—

Кроме главных премий (выдаваемых сверх гонорара), будут присуждены также поощрительные премии и почетные дипломы. Последний срок присылки материалов на конкурс — 1-е августа 1951 г. Все справки — в редакции „Сатирикона“ от 10 ч. до 12 ч. и от 14 ч. до 17 ч. Письменные запросы направлять по нашему адресу.

Н. В. Настоящее объявление не является анекдотом, хотя и помещено среди таковых. Там, где идет речь о выплате крупных сумм, юмор неуместен! — Ред.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА: в Германии — 1 марка, в Австрии — 3,5 шиллинга, во Франции — 80 франков, в Марокко — 80 франков, в Бельгии — 10 франков, в Швейцарии — 1 франк, в Греции — 1000 драгм, в Дании — 1,5 кроны, в Норвегии — 2 кроны, в Швеции — 1 крона, в Великобритании — 1 шиллинг, в Австралии — 1 шиллинг 3 пенса, в США — 25 центов, в Канаде — 25 центов, в Венесуэле — 1 боливар, в Аргентине — 5 пезо, в Бразилии — 5 крузеро.

Редколлегия: Н. Градобоев, И. Иркеев, Н. Ирколин, Г. Климов, А. Михайлов (США), Ф. Тарасов (главный редактор), С. Юрасов (США)
Всю корреспонденцию направлять по адресу: **„Satirikon“, Frankfurt/Main-West 13, Postschließfach 1364 A.**

Туда, где небо голубей,
Где Мир Свободы не развален,
Пускает белых голубей
С оливковой ветвью Сталин.

Но час пробьет
И мир поймет
(Ясней на красном фоне вещи),
Что голубь — просто самолет,
А ветвь — снаряд весьма зловещий.

Пока ж порхает голубок
Там, где еще не верят буре,
И, ухмыляясь, шепчет волк,
Кремлевский волк в овечьей шкуре:

«Мой нежный бомбовоз, пари
Над глупым Западом без риска,
Тебя благословил Кюри
И сам декан Кентерберийский!»